

В. А. Кутузов

А. А. Жданов или А. А. Кузнецов?

**К вопросу о лидерстве
в блокированном Ленинграде**

В одну из годовщин освобождения Ленинграда от блокады, во время банкета, подойдя к А. А. Жданову, один из его участников заявил: «А все-таки работали по обороне нашего города не Вы, а товарищ Кузнецов, Вы больше сидели в Москве!» Возмущенный Жданов вышел в другое помещение. После этого секретарь райкома признался А. А. Кузнецову в любви: «Мы любим Вас, Алексей Александрович, больше, чем Жданова»¹.

Народная мудрость гласит: что у подвыпившего на уме, то и на языке. Оставим пока первую часть заявления без ответа. Что же касается любви к Кузнецову, то так оно и было. Второй секретарь Ленинградского горкома, член ЦК ВКП(б) был, как теперь говорят, харизматичной личностью и не мог не вызывать симпатию тех, с кем общался. А то, что Жданов больше находился в Москве, чем в осажденном Ленинграде, не соответствовало действительности и, видимо, объяснялось тем, что Жданов, в отличие от Кузнецова, не так часто показывался на людях. Журнал посещения И. В. Сталина говорит об обратном (можно предположить, что каждый раз, находясь в Москве, Жданов посещал Сталина). В 1941 г. было два посещения — 24 июня и 17 декабря. В 1942 г., соответственно, тоже два раза встречался со Сталиным — 17, 19 июня. В 1943 г. — 14, 16 апреля. Всего за годы войны Жданов находился в кабинете Сталина 25 раз, основные посещения приходятся на 1944 г., когда во второй половине года Жданов возглавил Союзную контрольную комиссию Финляндии, что стало его главным делом². Правда, встречи со Сталиным на даче не фиксировались, поэтому приведенная статистика, возможно, не полная. Однако близка к истине.

Похоже, что о роли Жданова сходное мнение имели и другие ответственные работники. Так, заместитель редактора «Ленинградской правды», как отмечалось во время следствия по «ленинградскому делу», в осажденном Ленинграде клеветал на товарища Жданова,

**Кутузов Владислав
Александрович,**
*доктор исторических
наук, профессор,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург);
kutalv@mail.ru*

подвергая сомнению правильность его руководства обороной города, утверждая: «Жданов оторван от масс, работает и живет без массы. Тогда же, когда Жданов выступал перед массами, он делал одну ошибку за другой». Правда, конкретные примеры при этом не приводились.

По мере того, как раскручивался маховик «ленинградского дела», специально собирали компромат и на Жданова. Затем прекратили. Однако заметим, что во вставках Сталина в текст подготовленного проекта закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьева и др.» трижды упоминается имя Жданова. Согласно вставкам, Кузнецов был переведен на работу в ЦК по рекомендации тов. Жданова, Кузнецов злоупотреблял доверием тов. Жданова, кадровые назначения происходили при поддержке тов. Жданова, питавшего полное доверие к Кузнецову. Причем Сталин дважды зачеркивал слово «полное», менял его на «безграничное», и в конце концов восстановил свой первоначальный вариант³.

Между тем, в личной беседе сын А. А. Жданова, Юрий Андреевич, утверждал, что за годы войны отношения между Кузнецовым и его отцом испортились. Вопреки расхожему мнению, не Жданов рекомендовал Кузнецова на пост секретаря ЦК, а сам Сталин. Возможно, началом ухудшения отношений послужила записка Сталина Кузнецову. Ее доставил в осажденный Ленинград 13 сентября 1941 г. В. Н. Меркулов, заместитель наркома внутренних дел. Сама записка не обнаружена. Существуют разные версии ее содержания. На февральском (1949 г.) объединенном Пленуме Ленинградского обкома и горкома партии было сказано, что записка содержала положительные оценки Кузнецова и отрицательные — члена Политбюро, чего остальные не должны были знать⁴. По сведениям сына А. А. Кузнецова, Валерия Алексеевича, в ней шла речь о том, что Жданов устал, издергался, надо дать ему отдохнуть, выспаться. Во всем, что касается обороны, мобилизации всех сил, то ответственность за это возлагалась на Кузнецова⁵.

По свидетельствам ветеранов, записку А. А. Кузнецов носил всегда с собой и время от времени показывал ее особо доверенным людям. Со временем она истерлась на сгибах и была подклеена папиросной бумагой. Перед отъездом на постоянную работу в Москву он ознакомил с содержанием записки пришедших проводить его первых секретарей райкомов и работников аппарата обкома и горкома партии.

Ю. А. Жданов подчеркивал в личной беседе, что после первой недели сентября 1941 г. у его отца случился незамеченный врачами инфаркт, давая понять, что этим и объясняется записка Сталина.

Некоторые коллеги Жданова по Политбюро считали его роль во время блокады не первостепенной. Так, А. И. Микоян писал в мемуарах: «22 июня 1941 г., в день начала войны, Жданов был в Сочи. Поэтому вначале Сталин был вынужден обращаться к Кузнецову. Но даже когда Жданов прилетел, Кузнецову доверили самые ответственные вопросы. А уже когда началась блокада, и немцы стали обстреливать город, Жданов практически пересе-

лился в бомбоубежище, откуда выходил редко. Прилетая в Москву, он сам откровенно рассказывал нам в присутствии Сталина, что панически боится обстрелов и бомбежки и ничего не может с этим поделать. Поэтому всей работой “наверху” занимался Кузнецов. Жданов к нему видно очень хорошо относился, рассказывал даже с какой-то гордостью, как хорошо и неутомимо Кузнецов работает, в том числе заменяя его, первого секретаря Ленинграда. Занимаясь снабжением города, я и мой представитель в ГКО (Государственном Комитете Оборона). — В. К.) Павлов имели дело преимущественно с Кузнецовым, оставляя Жданову, так сказать, протокольные функции»⁶.

Поясним, более частое обращение Павлова к Кузнецову объясняется тем, что он возглавлял продовольственную комиссию, которая готовила свои предложения Военному Совету фронта, выносившему окончательное решение. А. А. Жданов в эту комиссию не входил. Тем не менее, его слово было решающим. Об этом вспоминал заместитель председателя Горисполкома, заведующий торговым отделом И. А. Андреевко: «В декабре я был вечером у секретаря горкома партии Алексея Александровича Кузнецова. Еще раз мы просмотрели наличие запасов продовольствия. Снижать хлебную норму населению уже некуда было, нельзя уже было, народ и так умирал. Разбирали, разбирали, прикидывали. Алексея Александровича я до войны знал, встречался с ним. Он был волевым человеком, много сделал для того, чтобы сохранить больше жизней ленинградцев, но таким мрачным я его еще не видел. И все-таки он потом говорил (об этом записано у меня): “Знаешь, мы не можем опускать руки, нельзя!” и привел он такой пример: “Знаешь, что мне на Кировском заводе сказал один рабочий? Камни будем грызть, но Ленинград не сдадим!...” Пошли мы к товарищу Жданову, доложили и снизили мы тогда нормы продовольствия не населению, а военным, морякам и солдатам...»⁷

О «любви» А. А. Жданова к бомбоубежищу свидетельствует и генерал М. С. Хозин: «Жданов, по его словам, проводил много времени в бомбоубежище и всячески добивался того же от Хозина, хотя генерал не любил этого (не из храбрости, как пояснил он, из-за болезни легких). Тем не менее, ему приходилось там подолгу бывать и слушать рассказы Жданова. В частности, тот сообщил о вывозе из ленинградских элеваторов зерна в Германию и Финляндию, произведенном в самые последние перед началом войны дни и чуть ли даже не часы. По словам Жданова, распоряжение об этом объяснялось необходимостью освободить место для зерна нового урожая. Сейчас я думаю, что Жданов заговорил об этом потому, что сам он был перед войной отправлен Сталиным в отпуск»⁸.

Кстати, когда объявлялась воздушная тревога, в бомбоубежищах, расположенных в подвалах Смольного, работал не только Жданов, но и весь верхний эшелон ленинградского партийного, правительственного и военного руководства⁹.

Наиболее резко отзывался о Жданове бывший профессор исторического факультета Ленинградского университета, внештатный лектор Ленинградского обкома КПСС С. А. Могилевский: «А. А. Кузнецова я знал хорошо на протяжении многих лет, видел и слышал его

выступления, встречался с ним на ленинградском фронте в конце 1941 и в начале 1942 годов. Он был прост в обращении, доступен, неплохой оратор, хотя и говорил трафаретными словами. Его хорошо знали почти во всех ленинградских коллективах и высоко ценили. В отличие от Жданова он пользовался заслуженным авторитетом.

Фактическим руководителем ленинградской партийной организации во время войны являлся А. А. Кузнецов, а не Жданов, которого никто никогда не видел. Я пробыл на Ленинградском фронте около года, но не разу не слышал о посещении войск Ждановым, являвшимся членом Военного Совета... Говорили, что он был в постоянном подпитии и находился в полной прострации...»¹⁰

Относительно фразы «в полной прострации и постоянном подпитии» следует заметить, что нам не приходилось встречать таких свидетельств. Юрий Андреевич Жданов от ответа на данный вопрос во время встречи уклонился. Хотя из воспоминаний Микояна и Хрущева следует, что Жданов не чужд был данной вредной привычки. Об этом же со слов своего отца писал и Андрей Маленков¹¹. Но это не значит, что Жданов находился все время в «постоянном подпитии», сведения об этом сильно преувеличены. Молотов и Микоян говорили о временной растерянности накануне замыкания кольца блокады. По словам Молотова, Жданов был хороший, но немного мягкотелый. Несмотря на этот недостаток, Молотов считал Жданова выдающимся членом Военного Совета фронта¹².

Сын управляющего делами Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Владимир Филиппович Михеев писал: «Отец всегда считал, что наибольший вклад в дело защиты... Ленинграда внес А. А. Кузнецов... Отец восхищался его деловитостью, человечностью, оптимизмом, умением в первую очередь думать о людях и о стране. Этим он заметно отличался от такой фигуры, как А. А. Жданов, с его безынициативностью, хотя в личном плане, по словам отца, поведение Жданова в этот период было вполне достойным...»¹³

Не сомневаясь в компетентности Ф. Е. Михеева, все же думается, что хорошо зная работу горкома партии, он не был достаточно знаком с деятельностью Военного Совета. Его оценка больше касается роли Жданова в работе партийного аппарата. Следует иметь в виду, что еще со времен С. М. Кирова существовала традиция, когда обязанности первого секретаря Ленинградского горкома и обкома выполнял один человек. Большую часть нагрузки брали на себя вторые секретари горкома и обкома. Эта практика сохранилась во время блокады, когда основные усилия Жданова были направлены на деятельность Военного Совета.

Что же касается якобы безынициативности Жданова, то руководитель не обязательно должен обладать этим качеством; гораздо важнее прислушиваться к мнению специалистов. Он умел внимательно относиться к таким предложениям (от кого бы они ни исходили), как строительство Лужского оборонительного рубежа, создание народного ополчения...¹⁴ Аналогичные примеры можно продолжить. Так, офицер отдела снабжения Д. Г. Архипов высказал мысль о необходимости прокладки трубопровода через Ладожское озеро. В противном

случае, заявил он, мы будем не только рисковать танкерами, но и не сможем обеспечивать горючим нужды города-фронта... Андрею Александровичу идея понравилась, и он доложил о ней ГКО. Решение не заставило себя долго ждать. Уже 25 апреля 1942 г. вышло ожидаемое постановление. Строительство и монтаж были завершены в рекордно короткий срок — за 50 дней, к 16 июня 1942 г.¹⁵

Поддержал А. А. Жданов и инициативу руководства Кировского завода по сохранению кадров рабочих и служащих. М. А. Длугач вспоминал в 1949 г.: «Самым тяжелым временем для Ленинграда была первая военная зима. Недоедание истощало организмы людей. Мучили вражеские артиллерийские обстрелы и бомбежки.

Многие трудящиеся Кировского завода тогда буквально падали от усталости, но преодолевая усталость и напрягая последние силы, кировцы готовы были выполнить любые задания. Однако мы, руководители, обязаны были позаботиться о спасении жизни людей и во что бы то ни стало сохранить для родины эти замечательные кадры. Совместно с партийной организацией мы решили в целях предотвращения изматывания людей освободить их от части производственных обязанностей, и наиболее ослабевшим, в порядке очередности, предоставлять краткосрочные отпуска.

О своих намерениях мы решили доложить Андрею Александровичу Жданову. Когда я сообщил об этом товарищу Жданову, он их одобрил и поставил перед нами задачу, чтобы всю деятельность на заводе в это время направить на сохранение людей и завода для решения впереди стоящих перед страной задач»¹⁶.

Эта инициатива, поддержанная Ждановым, распространилась и по другим предприятиям. А. М. Брюханов вспоминал: «В декабре 1941 г. зал для партийного актива ДК им. Горького готовился следующим образом: вдоль зала ставились времянки, возле каждой времянки клали кучу дров. В ожидании начала, люди собирались около печурок и грели руки. Ефремов, первый секретарь Кировского РК ВКП(б), сохранял навыки культурного человека и выступал без шапки. Партийный актив проходил довольно оживленно. Мне особенно врезалось в память выступление директора Кировского завода Длугача. Он был одновременно секретарем горкома партии по промышленности. Длугач посвятил свое выступление, главным образом, сохранению кадров промышленных рабочих. Нужно было создать минимальные приемлемые условия, чтобы они могли выжить. Для этого партийный актив принял решение создавать на заводах места отдыха для рабочих. Поставить там койки, чтобы рабочие не ходили пешком на Петроградскую сторону. Там же предлагали организовать питание. Благодаря этим заботам значительное количество кадров было сохранено. Ефремов правильно поставил вопрос, что сейчас нужно говорить не о выполнении плана, а о сохранении кадров рабочих. До него говорили о выполнении плана»¹⁷.

Однако Жданов не только поддерживал инициативы других, но и выдвигал свои. Как утверждал П. С. Попков, по предложению Жданова были открыты столовые с повы-

шенным питанием¹⁸. «Опыт работы столовых усиленного питания, организованных постановлением горкома ВКП(б) в прошлом году, — писал П. С. Попков в докладной записке А. А. Жданову 3 января 1943 г., — показал, что всякого рода больные, прикрепленные к столовым усиленного питания успешно излечиваются в амбулаторных условиях без отрыва от производства». П. С. Попков предлагал в целях быстрого восстановления здоровья и трудоспособности трудящихся организовать вновь, по опыту прошлого года, столовые усиленного питания на 20–30 тыс. человек¹⁹.

Генерал Николай Николаевич Жданов по справедливости называл члена Военного совета А. А. Жданова инициатором эффективной контрбатареинной борьбы²⁰.

Выступая 23 октября 1948 г. на митинге, посвященном постановлению Совета Министров СССР об увековечении памяти А. А. Жданова, начальник спецкафедры Ленинградского государственного университета, генерал-майор артиллерии И. П. Кныш говорил: «Товарищ Жданов в 1942 г. поставил нам, артиллеристам, задачу перейти в контрбатареинную борьбу, от оборонительной тактики к наступательной. На обстрел города вражеской артиллерией — отвечать уничтожением артиллерийских батарей противника и поражением его жизненных центров»²¹.

По воспоминаниям А. И. Кожевникова, начальника четвертого отдела Управления НКВД, именно Жданов зимой 1942 г. поставил вопрос о необходимости присутствия чекистов в партизанских бригадах в качестве уполномоченных, по аналогии с армейскими соединениями. В ином случае, немецкая агентура заполонила бы партизанские бригады, что могло иметь пагубное влияние на боеспособность²².

Наверное, подобными инициативами Жданова дело не ограничилось. Да и трудно определить, какие инициативы возникали сами по себе, а какие появлялись в ходе встреч с людьми: «В любое время суток в его (А. А. Жданова. — В. К.) кабинете можно было встретить представителей из войск, директоров заводов, научных работников, писателей, пропагандистов. Зимой 1941/42 г. он больше всего уделял внимания ладожской Дороге Жизни, организации питания голодающего населения»²³.

Фактический материал о посещении Ждановым воинских частей приведен в статье автора и В. И. Демидова²⁴. Здесь же мы остановимся на воспоминаниях героя Советского Союза, гвардии генерал-майора Щеглова Афанасия Федоровича — командира 30-го гвардейского ленинградского Краснознаменного стрелкового корпуса, записанных 23 августа 1945 г. А. Ф. Щеглов рассказывал, что в остановке войск большую роль сыграли приказы генерала армии Г. К. Жукова, который командовал в то время фронтом, и Жданова. И Жуков, и Жданов приезжали в дивизию, вызывали к себе людей. Был поставлен вопрос об ответственности всех за ход боя, начиная от генерала и кончая солдатом. От Ленинграда бежать некуда, кольцо блокады было замкнуто.

Далее А. Ф. Щеглов отмечает, что перед каждой операцией собирались старшие командиры, которые отчитывались о готовности к наступлению. Генерал Л. А. Говоров, А. А. Жда-

нов, А. А. Кузнецов были частыми гостями их дивизии и в корпусе. А. А. Жданов вызывал к себе, проверял подготовку, давая указания к проведению боя, организации тактической подготовки в войсках... Жданов требовал, чтобы операция проводилась как можно стремительней²⁵. Поездки в войска не ограничивались посещением командных пунктов дивизий и корпусов. «Вот сейчас о Жданове всякое пишут, а я, между прочим, его лично в окопах видел», — вспоминал маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев, который на Ленинградском фронте командовал ротой²⁶.

Поэтому утверждение, будто бы Жданов не выезжал на фронт, не соответствует действительности. К тому же, надо иметь в виду, что в городе-фронте глубина тылового района была меньше, чем положено для армии, оперативного объединения, состоящего из нескольких оперативных соединений и отдельных частей различных родов войск и специальных войск, предназначенных для выполнения оперативных задач.

Помимо негативных оценок Жданова в период осады Ленинграда, имеются и весьма положительные отзывы о нем. Приведем некоторые из них, не вошедшие в вышеназванную статью. Н. Д. Шумилов вспоминал: «Работая секретарем горкома, а затем редактором “Ленинградской правды” я часто видел члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря Ленинградского обкома и горкома партии, члена Военного Совета Ленинградского фронта А. А. Жданова, принимавшего днем и ночью — военных, директоров предприятий, партийных и советских работников, ученых, писателей, журналистов, пропагандистов, партизан и снайперов.

Трудно сказать, когда этот человек отдыхал. Зимой 1941/42 года он больше всего занимался налаживанием “Дороги жизни”, доставкой продовольствия для населения города и войск фронта, организацией быта Ленинграда. Заготовка топлива, массовая очистка города, производство боевой техники, подготовка военных операций, организация партийной и массовой политической работы и десятки других крупных, неотложных военных и гражданских дел занимали Жданова. Он был выдающимся деятелем партии и государства, политическим руководителем и организатором, человеком душевным, глубоко и всесторонне образованным. Понимая важность задачи и всю ответственность, возложенную на него Центральным комитетом партии за защиту Ленинграда, А. А. Жданов, вместе со своими товарищами — членами военного Совета Ленинградского фронта и бюро обкома и горкома партии — делали все, чтобы отстоять легендарный город на Неве. В напряженные блокадные месяцы особо ярко проявились такие качества А. А. Жданова-большевика, как стойкость, мужество, преданность партии, Родине»²⁷.

Близко знал Жданова и Д. В. Павлов: «А. А. Жданов умел располагать к себе людей. Он был строг, требователен, за упущения в работе никому не давал спуска. Но все это делалось в такой форме, что самолюбие подчиненных не задевалось. Он умел владеть собой. Даже в самые мрачные дни осады города Жданов казался бодрым, уверенным и только близкие к нему люди иногда могли уловить его душевное волнение... Жданов умел слушать людей и быстро

реагировать на вопросы — дар, присущий немногим»²⁸. Эти воспоминания были опубликованы в 1970-е гг., когда о недостатках руководителей партии и правительства не писали.

Остановимся на просчетах Жданова. По сведениям А. И. Микояна, он отказался от размещения в Ленинграде эвакуированного продовольствия. Безусловно, это серьезнейшая ошибка. Но ведь тогда никто из руководителей не мог предсказать 900-дневную блокаду Ленинграда. Отказ объяснялся тем, что все хранилища были заполнены, а зерно, мука и другое продовольствие требовало особых условий хранения.

Почему решение об эвакуации населения было принято поздно? ГКО и руководство Ленинграда надеялись на скорый прорыв блокады, но их надежды в 1941 г. не оправдались.

Зачем детей эвакуировали навстречу подступающим немцам? В данном случае слепо выполнялся довоенный план эвакуации: считали, что главная опасность — со стороны Финляндии, а запад надежно прикрывал Прибалтийский военный округ.

По большому счету, эти и другие ошибки произошли из довоенных настроений: «разобьем врага на его территории малой кровью, могучим ударом». Один ли Жданов в этом виноват?

Так кто же был лидером в заблокированном Ленинграде? Попробуем высказать свое мнение. Нельзя противопоставлять Жданова и Кузнецова друг другу. В воспоминаниях, записанных по горячим следам событий (многие из них хранятся в бывшем партийном архиве, ныне — Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга) и опубликованных в советское время, вопрос о лидерстве даже не ставился. Во время перестройки и в последующие годы на первый план выдвигается фигура Кузнецова. Конечно, с одной стороны, появилась возможность излагать свой взгляд, а с другой стороны — налицо стремление некоторых авторов очернить Жданова.

На наш взгляд, на оценке деятельности Жданова в годы войны и блокады отразились его выступления по идеологическим вопросам в 1946–1948 гг., чего интеллигенция до сих пор не может ему простить. Хотя, на самом деле, инициатива в этом вопросе принадлежала Сталину²⁹.

Сыграло свою роль и «ленинградское дело». Нет сомнения, что Кузнецова чаще видели в воинских частях, на предприятиях, в трудовых коллективах. Это объясняется не столько возрастом: 45 лет — Жданову, 36 лет — Кузнецову, сколько состоянием здоровья. Жданов страдал астмой, сердечными и другими заболеваниями. Г. Солсбери писал: «У Жданова больше, чем у других появлялись признаки усталости, изнеможения, нервного истощения»³⁰. К тому же, по всей видимости, сказывалась плохая физическая подготовка. Интересно отметить, что реальное училище в Твери Жданов закончил первым учеником, получив серебряную готовальню. А в Тифлисской школе прапорщиков оказался где-то в середине выпуска. Видимо, дело было в слабой физической подготовленности. В то же время, в отличие от Жданова, Кузнецов — стройный, подтянутый, энергичный. «Человек-пружина» — так называл его начальник инженерных войск фронта Б. В. Бычевский. К тому же, обязанности

Жданова, как члена Военного Совета фронта, требовали находиться значительное время в Смольном.

Известный специалист по истории блокады Н. А. Ломагин считает: «Являясь секретарем ЦК, а также первым секретарем Ленинградского городского и областного комитета партии, он (Жданов. — В. К.) играл ключевую роль в отношениях с Москвой и оставался первым лицом в иерархии военно-политического руководства города-фронта. Первенство Жданова никогда не оспаривалось, и более того, именно к нему, как к верховному судье обращались за поддержкой в случае возникновения споров и разногласий другие члены Военного Совета, включая командующего фронтом...»³¹

Являясь автором 15 статей о Жданове (часть из них — в соавторстве с В. И. Демидовым) и трех статей о Кузнецове, не считая газетных публикаций, мы пришли к аналогичному выводу. По традиции того времени, в регионе должен быть один лидер, тот, кто обладал всей полнотой власти. В Ленинграде таким лидером был Жданов. Выступая 12 апреля 1944 г. на Пленуме Ленинградского горкома, П. С. Попков заявил: «Я считаю и думаю, что вы все также считаете, что правой рукой Андрея Александровича во всей партийной, военной и гражданской работе был Алексей Александрович Кузнецов». Далее в стенограмме записано: «Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают и приветствуют товарища Кузнецова»³². Конечно, Жданов был человеком со своими достоинствами и недостатками. Его авторитет всячески поддерживался в городе. Не случайно доктор медицинских наук, профессор Н. Н. Самарин записал в своем блокадном дневнике: «Тов. Жданов не бежал из Ленинграда. Тов. Сталин не покинул Москву...»³³ Такое сравнение говорит само за себя: реальным лидером в заблокированном Ленинграде был А. А. Жданов.

¹ Кутузов В. А. Алексей Александрович Кузнецов. Страницы послевоенной политической биографии // Клио: журнал для ученых. 2001. № 3 (15). С. 163.

² Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1944). Цифры и документы. М., 2002. С. 225–458.

³ Вознесенский Л. А. Истины ради. М., 2004. С. 212–213.

⁴ Кутузов В. А. Алексей Александрович Кузнецов. Страницы послевоенной политической биографии // Клио: журнал для ученых. 2001. № 3 (15). С. 163.

⁵ Там же.

⁶ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 562.

⁷ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л., 1994. С. 131–132.

⁸ Ганелин Р. Ш. Советские историки: О чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2004. С. 149–150.

⁹ Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда / Пер. с англ. М., 1993. С. 216.

¹⁰ Могилевский С. Пржитое и пережитое. Воспоминания. Л.; Иерусалим, 1997. С. 88.

- ¹¹ Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 44.
- ¹² Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. И. Чуева. М., 1991. С. 54–56.
- ¹³ Воспоминания Валерия Филипповича Михеева // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / Под ред. А. М. Кулегина. Сост. А. П. Смирнов. СПб., 2009. С. 100.
- ¹⁴ Блокада рассекреченная / Сост. В. Демидов, СПб., 1995. С. 134, 137–138.
- ¹⁵ Воротников И. Н. Трубопровод по дну озера // На дороге жизни. Сборник / Сост. П. Л. Богданов. Л., 1975. С. 520–521, 524.
- ¹⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГА ИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1334. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Оп. 18. Д. 762. Л. 28–29.
- ¹⁸ Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 64.
- ¹⁹ Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 / Отв. ред. А. Р. Дзеничкевич. СПб., 1995. С. 243.
- ²⁰ Блокада рассекреченная / Сост. В. Демидов, СПб., 1995. С. 138.
- ²¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. Д. 6. Л. 4–5.
- ²² Стародубцев А. Ф. Основные задачи, решаемые управлением в годы Великой Отечественной войны // Ленинградские чекисты — вклад в Великую Победу: Мат-лы науч.-практич. конф. 14 апреля 2010 г. Санкт-Петербург. М., 2010. С. 24, 32.
- ²³ Бычевский Б. В. Город-фронт. М., 1963. С. 145.
- ²⁴ Кутузов В. А., Демидов В. И. Член Военного Совета А. А. Жданов // Битва за Ленинград: Проблемы современных исследований. Сборник статей. СПб., 2007. С. 157–171.
- ²⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 933. Л. 11.
- ²⁶ Зенкович Н. А. Маршалы и генсеки. Интриги. Вражда. Заговоры. Смоленск, 1997. С. 50.
- ²⁷ Шумилов Н. Д. В дни блокады. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1977. С. 155.
- ²⁸ Павлов Д. В. Стойкость. М., 1979. С. 112.
- ²⁹ Кутузов В. А. А. А. Жданов и Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 146–152.
- ³⁰ Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда / Пер. С англ. М., 1993. С. 421.
- ³¹ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб.; М., 2002. С. 86.
- ³² ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4886. Л. 15.
- ³³ Семейный архив Н. Ю. Самарина (внука Н. Н. Самарина). Л. 55.

Kutuzov V. A. A. A. Zhdanov or A. A. Kuznetsov? Problem of leadership in besieged Leningrad.

ABSTRACT: This article is devoted to scantily explored question about the true leadership in besieged Leningrad. On the basis of large number of historical sources the author expresses his own opinion.

KEYWORDS: A. A. Zhdanov, A. A. Kuznetsov, the Military Council, the blockade of Leningrad.

AUTHOR: Ph.D. in history, professor, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); kutalv@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ *Kutuzov V. A. Aleksej Aleksandrovich Kuznecov. Stranicy' poslevoennoj politicheskoy biografii // Klio: zhurnal dlya ucheny'x. 2001. N 3 (15).*
- ² *Gorkov Yu. Gosudarstvenny'j komitet oborony' postanovlyayet (1941–1944). Cifry i dokumenty'. Moscow, 2002.*
- ³ *Voznesenskij L. A. Istiny' radi. Moscow, 2004.*
- ⁴ *Mikoyan A. I. Tak by'lo. Razmy'shleniya o minuvshem. Moscow, 1999.*
- ⁵ *Adamovich A., Granin D. Blokadnaya kniga. St. Petersburg, 1994.*
- ⁶ *Ganelin R. Sh. Sovetskie istoriki: O chem oni govorili mezhdru soboj. Stranicy' vospominanij o 1940-x — 1970-x godax. St. Petersburg, 2004.*
- ⁷ *Salisbury H. 900 dnei. Blokada Leningrada / Per. s angl. Moscow, 1993.*
- ⁸ *Mogilevskij S. Prozhitoe i perezhitoe. Vospominaniya. St. Petersburg; Jerusalem, 1997.*
- ⁹ *Malenkov A. G. O moem otce Georgii Malenkove. Moscow, 1992.*
- ¹⁰ *Sto sorok besed s Molotovym: Iz dnevnika F. I. Chueva. Moscow, 1991.*
- ¹¹ *Sud`by lyudej. «Leningradskoe delo» / Pod red. A. M. Kulegina. Sost. A. P. Smirnov. St. Petersburg, 2009.*
- ¹² *Blokada rassekrechennaya / Sost. V. Demidov, St. Petersburg, 1995.*
- ¹³ *Vorotnikov I. N. Truboprovod po dnu ozera // Na doroge zhizni. Sbornik / Sost. P. L. Bogdanov. Leningrad, 1975.*
- ¹⁴ *Saint-Petersburg Central State Archive of historical and political documents.*
- ¹⁵ *Zhizn` i smert` v blokirovannom Leningrade. Istoriko-meditsinskij aspekt. St. Petersburg, 2001.*
- ¹⁶ *Leningrad v osade: Sb. dokumentov o geroicheskoj oborone Leningrada v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' 1941–1944 / Ot. red. A. R. Dzenichevich. St. Petersburg, 1995.*
- ¹⁷ *Starodubcev A. F. Osnovny'e zadachi, reshaemy'e upravleniem v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // Leningradskie chekisty' — vklad v Velikuyu Pobedu: Mat-ly' nauch.-praktich. konf. 14 aprelya 2010 g. Sankt-Peterburg. Moscow, 2010.*
- ¹⁸ *Bychevskij B. V. Gorod-front. Moscow, 1963.*
- ¹⁹ *Kutuzov V. A., Demidov V. I. Chlen Voennogo Soveta A. A. Zhdanov // Bitva za Leningrad: Problemy' sovremenny'x issledovanij. Sbornik statej. St. Petersburg, 2007.*
- ²⁰ *Zenkovich N. A. Marshaly' i genseki. Intrigi. Vrazhda. Zagovory'. Smolensk, 1997.*
- ²¹ *Shumilov N. D. V dni blokady'. Izdanie 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe. Moscow, 1977.*
- ²² *Pavlov D. V. Stojkost`. Moscow, 1979.*
- ²³ *Kutuzov V. A. A. A. Zhdanov i Postanovlenie CK VKP(b) o zhurnalax «Zvezda» i «Leningrad» // Novejshaya istoriya Rossii. 2011. N 1.*
- ²⁴ *Lomagin N. A. Neizvestnaya blokada. Kn. 1. St. Petersburg — Moscow, 2002.*